

Дмитрий АФОНИН

НАСТЮШКА

1

Я приехал в Петрозаводск часов за шесть до отправления поезда в сторону Воттоваары: и по деньгам так дешевле выходило, и город хоть чуть-чуть посмотреть хотелось, все-таки столица Карелии. Из привокзальных кафешек выбрал ту, которая напрягала меньше всех. Она была почти пустая, только за одним из столиков выпивали и разговаривали два мужика, но они не обратили на меня внимания. Я приехал в Карелию на курсы выживания в лесу: через месяц я собирался дойти пешком от родной Рязани строго на юг до Липецка и хотел лучше подготовиться к этому походу. Обучение должно было проходить на горе Воттоваара. Наша группа встречалась на железнодорожной станции Гимольская, в семи часах езды от Петрозаводска.

Я сел за столик у окна и выбрал в меню, что буду есть. Из пива интересного было только местное, светлое и темное. Я заказал по маленькой и того, и другого. Светлое было обычным, а темное оказалось вкусным, этакая смесь портера и эля. За едой я выпил вторую темного, уже большую, а потом и третью и неожиданно сильно захмелел. Наверное, полубессонная ночь в дороге сказалась. Еще на сайте школы выживания настоятельно просили не иметь с собой алкоголь, а курс был рассчитан на пять дней, поэтому, видимо, подсознательно я напился немного «впрок». Я напрягся, что меня примут менты, но до Онежского озера надо было дойти: навигатор показывал всего полтора километра.

Я расплатился и вышел из кафе. От вокзала надо было идти вниз, по центральному проспекту города, никуда не сворачивая. Я шел прямо в своей походной одежде: в мощных трекинговых кроссовках, полиэстеровых штанах и ветровке, с большим ярко-зеленым рюкзаком и пенкой за спиной. Мне было плевать, лицо только позлее сделал.

Но до меня тут, как оказалось, практически никому не было дела. Поглядывали иногда с интересом, но негатива точно не было, и я расслабился. Даже, не снимая рюкзака, зашел в туалет в «McDonald's». Еще дальше вниз по пути я увидел нормально выглядящую вывеску паба над полуподвальным помещением и решил, что, если на озере не задержусь, еще и сюда зайду, хоть и вряд ли этот паб начнет так рано работать.

Атмосфера в Карелии правда оказалась странная, как многие и писали в интернете. Как во сне — страшновато, но интересно. Тим Бёртон и Уэс Андерсон так в своих фильмах делают. Я давно заметил: какое-то место для меня либо обладает такой сказочностью, как Ярославль, Стамбул или Далаат с Сапой во Вьетнаме, либо нет, как Москва, Паттайя или Майорка. Тут, у Онежского озера, все казалось каким-то разреженным, недостаточным — воздух, предметы, даже люди, будто пространства тут огромные, а кислорода, предметов и людей под них выделено меньше, чем нужно. Из-за этого казалось, что дышать здесь сложнее, до какого-то объекта идти дольше привычного и сама важность делания чего-то заметно ниже. И еще было странно, что при голубом небе и ярком солнце здесь дует такой холодный ветер.

Онежское озеро оказалось не очень интересным. Я немного походил по набережной, опять не снимая рюкзака, попросил мужика, который выгуливал собаку, сфотографировать меня на мой телефон.

Паб тот манил меня, и он действительно оказался открыт. Бармен, молоденький парнишка, был там один, классически протирает стаканы. Сам принес мне «Kilkenpu» и орешков. Ценник был тут уже настоящий, не как в рыгаловке на вокзале, но и «Kilkenpu» за тысячу километров от Москвы стал подарком. То, что Петрозаводск оказался захолустьем, выяснилось почти сразу, но я был не против: я сам вырос примерно в таком же городе, от Москвы давно устал, и мне, подпитому, сейчас все нравилось.

На пляже в пабе крутили клип на песню Эда Ширана «Shape of You» про парня-боксеры и девочку-боксершу. Это была самая популярная тем летом песня, ее можно было услышать из каждого телика и радио.

На поезд до Гимольской в таком расслабленном состоянии я еле успел: не сориентировался в нумерациях путей и платформ. Хорошо, курсантик какой-то доброжелательный подсказал, что мне надо перебираться по надземному переходу.

2

Было еще совсем раннее утро, я сонный с рюкзаком стоял в тамбуре поезда, который подъезжал к Гимольской. Было видно, что уже здесь началась та странная природа, которую обещали в Карелии: вдоль железнодорожных путей росли низкие скрюченные деревья на пустынном, каком-то пугающем пространстве.

Еще из тамбура я заметил группу туристического вида, расположившуюся прямо в кустах меж теми деревьями. Никакого станционного здания здесь не было — поезд остановился прямо в поле, если это можно было назвать полем. Я вылез с рюкзаком из вагона и пошел к той группе. Они тоже были сонные и зевали. В группе были одни ребята, кроме одной девушки, но и она выглядела как-то никак: чуть полненькая, в заношенной походной одежде.

— Доброе утро! Вы от школы выживания, до Воттоваары? — спросил я.

— Да! Доброе утро! — вяло ответили пара человек.

Первым стоял высокий подтянутый парень в шляпе ковбойского вида, но цвета хаки. Он широко улыбался и был раздражающе бодрым.

— Вы инструктор? — спросил я его.

— Нет, но мне приятно! — улыбнулся он еще шире. — Юрий! — он протянул мне руку.

Из кустов медленно вылез еще один парень, крупный и в блеклом хаки. Он был тоже высокий, но какой-то грузный и сутулый, с конским хвостом на голове. Еще он был какой-то помятый, будто бухал до этого полночи.

— Доброе утро! — он протянул мне руку, но даже имени не назвал. — Ну, все мы теперь? Пойдем? — те, кто полулежал на пенках на земле, закрывали и стали подниматься.

Этот грузный сутулый инструктор только сначала показался лохом. Мы шли от станции уже больше часа, а он как взял бодрый темп, так его и не сбавлял, причем шел под своим огромным рюкзаком и в высоких, будто бы зимних, ботинках вообще без усилий.

— Дим, а ты уже вел здесь курсы? — спросил его кто-то.

— Да, в 2012-м.

Мне начинал нравиться этот парень: группа могла запаниковать, что инструктор был на маршруте всего один раз и то четыре года назад, а он и не думал париться — шагал широко, чуть дебиловато размахивая руками и подпрыгивая.

— А сколько еще идти?

— Часа два. Надеюсь, все выдержат? — он бодро оглянулся на всю группу: похоже, в дороге он оживал.

Мы шли от станции сначала до какой-то деревни, обошли ее задом и двинулись в сторону леса. Видимо, иногда по этой дороге ездили машины. Действительно, за пару часов нам навстречу проехали два УАЗа, но они не останавливались и не сигналили. Грунтовка была пыльная. Я обратил внимание, что ботинки у инструктора — цвета пыли. В некотором смысле удобно.

Мы растянулись и шли за инструктором, каждый уйдя в свои мысли, и грунтовка вошла в лес незаметно. На ничем не примечательном отрезке дороги он сначала замедлился, а потом и вовсе остановился, дольше обычного смотря в свой «Garmin'овский» навигатор.

— Думаю, лучше здесь, — сказал он. — Сейчас мы свернем в лес и попробуем найти место, на котором мы стояли в 2012-м. Лучше будет, если на нас даже случайно никто не наткнется: не хочется потом объяснять, что мы не секта какая-нибудь... — он улыбнулся. — И чтоб вода рядом была.

— А тут, в Карелии, много озер должно быть, да? — спросил кто-то из группы.

— Ну, вроде больше семи тысяч, — ответил он уже на ходу, резко свернув с дороги направо, в чащу леса, и захрустел ветками под своими светлыми армейскими ботинками, как у америкосов в Ираке. Лес спускался книзу — к озеру, как я потом понял. Мы пробирались за инструктором, оглядываясь на идущих сзади и придерживая перед ними ветки.

3

— Вроде бы здесь... — Дима оглядывал более-менее открытое место, к которому мы спустились. За деревьями еще ниже виднелось озеро. — Давайте сейчас быстрень-

ко перекусим и вздремнем: думаю, вряд ли кому сегодня ночью удалось нормально выспаться, — он посмотрел на нас, — а потом мы начнем с того, как сделать в лесу шалаш, чтобы вас в нем не залил дождь. Ну и заранее, для вашей мотивации, сообщаю, что сегодня ночью вы будете спать в том, что сами выстроите... — Дима посмотрел на нас и заулыбался. Ясно было, что он говорит это уже не первой группе. — Доставайте пенки и состыковывайте их широкими частями друг к другу: привыкайте спать в походе «ложками», чтобы тепло не уходило, — Дима посерьезнел.

— А если дождь пойдет?

— Вроде не должен... — Дима посмотрел на небо. — Ляжем пока так, а пойдет, будем по ходу разбираться.

Мы состыковали пенки и приготовили спальники. Дима выложил на середину какой-то казенный перекус, плюс все еще доедали что-то свое, с дороги. Бодрый Юра в ковбойской шляпе достал запечатанную палку салями, разрезал ее на дольки и пододвинул в середину: «Утощайтесь!» Он реально не красовался. Для него, похоже, действительно было нормально вот так поделиться со всеми. Я знаю, как плохо бывает с едой в таких походах, и точно бы заточил потом эту палку в одного. Да, чувак был молодец...

После перекуса мы улеглись «ложками» — все на один бок, лицом к спине товарища, подогнув ноги. Дима сказал, переворачиваться будем все вместе, и лег последним. Странно было спать с незнакомыми парнями так близко, но меня сильнее волновало желание выспаться впрок, потому что я был уверен, что особо выспаться в этом походе нам не дадут. С этими мыслями я и уснул.

Через какое-то время сквозь сон я услышал, как один из парней, который ворочался больше всех, тихо встал и стал собирать свои вещи. От других он отличался тем, что вся его походная одежда была новая. Было понятно, что он купил ее специально для этого курса. Дима, который тоже проснулся, тихо спросил его, куда он собирается.

— Я, это, обратно, наверно... — ответил парень.

— Куда ты сейчас пойдешь? — с раздражением зашептал Дима.

— Да не, я доберусь. Я обратно, до станции...

— Да тут поезд останавливается раз в два дня! Следующий только завтра!

— Ну и ничего, я там подожду...

Дима, кряхтя, встал и повел парня подальше от стоянки, что-то ему втолковывая. Видно, тот оказался совсем неженкой: его подкосила уже необходимость спать впопалку с другими мужиками. Жалко его, конечно, было из-за того, что ему придется одному добираться до станции, но необходимость выспаться впрок никуда не исчезала, и я опять уснул.

Когда мы проснулись, кто-то спросил Диму, что за шум был, когда все спали. Он рассказал.

— И ты его отпустил?

— Да он совсем уперся и ни в какую! Он совершеннолетний, что я могу с ним сделать?.. — я впервые увидел, как Дима за что-то переживал. — Дорогу ему подробно напомнил до станции, проверил, что у него есть мой мобильный...

— Да тут же почти нигде не берет!

— Ну да, не берет... — согласился Дима. — Но иногда попадают места, с которых эсэмэска может уйти... Никогда не был в походах, а тут сразу на курс выживания. «Не мое это...» — говорит... Ладно, давайте делать шалаши. Доберется, думаю, не маленький.

Для основы шалаша надо было найти в лесу или срубить ножом — на этом курсе полагалось обходиться без топора и пилы — две толстые недлинные рогатины и перекладину на них. Длина перекладки должна была быть не менее твоего роста, хотя бы с подогнутыми ногами. Получавшаяся невысокая, но длинная конструкция выглядела так, будто ты собираешься подвесить на ней много котелков. На горизонтальную перекладину, как шпалы на одну рельсу, только с одной стороны накладывались с земли длинные ровные палки — «ребра». Получалось, что у будущей несимметричной крыши будет покрыт только один — более длинный — скат. Вся конструкция походила на огромный скелет лежащей на земле треугольной грудной клетки неизвестного доисторического чудовища. Поперек «ребер» длинного ската крыши накладывалась толстая, непроницаемая масса еловых веток — по одной, изгибом хвоя к низу, чтобы вода стекла по ней, как по черепице. Внутрь шалаша стелилась пенка.

— А почему мы только одну сторону закрываем?

— А со второй мы будем закатываться в шалаш, под крышу. Для защиты летом ночью от дождя этого, в целом, должно хватить.

В списке вещей для этого курса значились две пустые «полторашки». Чтобы проверить водонепроницаемость крыш наших шалашей, мы спускались к озеру, набирали в бутылки воды и лили ее на крыши. Где вода протекала, там надо было еще подложить

еловых веток.

— Дим, а тут животные какие-нибудь водятся? — спросил один из парней, когда мы уже вечером укладывались в эти шалаши спать.

— Какие животные? — переспросил Дима, который в тот момент думал о чем-то своем.

— Ну, не знаю, медведи там... Так вот будешь в этом открытом шалаше спать, а к тебе посреди ночи морда сунется и такая: «Преве-ед!» — парень поднял руки, изображая Медведа из известного мема. Многие засмеялись, но как-то так, нервно.

— Медведи в Карелии и правда есть, но к нам никто не придет, не переживайте, — ответил Дима.

— Да мы от дороги и на километр, наверно, не отошли. И шуму от нас за целый день, знаешь, сколько было? Какой медведь к тебе сюда придет? — ответил парню еще кто-то.

— Какой, какой — бурый!

— Главное, чтоб не бесхвостый! — у Димы как-то ненормально скривился в улыбке рот, хотя он думал, что говорит обычную шутку. До меня не совсем дошло про бесхвостость и до остальных, видимо, тоже, и меня напрягла эта его кривая усмешка. Дима понял, что сказал что-то не то, махнул рукой и подытожил: — Все, ничего не бойтесь, никто к нам ночью не придет, ложитесь спокойно!

I

— Да-а, сильно он ее... — дядя Пекка смотрел на распоротое брюхо коровы, из которого торчали кишки. В детстве я затемно, еще до рассвета поднимался, шел по росе на рыбалку и приносил ротанов; мамка их чистила, и кишки из толстого брюха ротана вываливались так же неожиданно, и их было так же много, как из этой коровы. Сначала я смотрел на все спокойно, но когда увидел среди темной массы кишок одну какую-то неестественно зеленую и изумрудно блестящую, меня замутило. Мне показалось, дядя Пекка так громко больше для меня удивляется, а сам он за свои годы уже перестал чему-либо удивляться. Еще я подумал, что мы только из-за меня к этой корове приехали: Онней ему еще в сельсовете все рассказал, а дядя Пекка за столом важно сидел и головою кивал, будто уже знал, как оно все было. Да и как не знать: это ведь уже пятая.

С тех пор как я вернулся, дядя Пекка часто меня с собой везде берет. И в сельсовете часто велит с ним сидеть, хоть там особо и нечего делать. И при том сам говорит, что мать у меня плоха и я должен постоянно за ней ухаживать. Мне с мамкой долго тоже сидеть скучно, хоть она и рада мне всегда. Я на кровати у ней сижу, а она только руку мне гладит и часто даже не говорит ничего, а только смотрит на меня и улыбается. Она так может, наверное, вечно лежать, руку мне гладить, на меня смотреть и тихо вот так улыбаться, как она одна улыбается. Трудно мне такое выносить, не могу я так долго: все равно ж помрет... Не знаю, зачем дядя Пекка меня везде с собой берет. Скучно ему, что ли... Или научить чему хочет: детей-то у него нет. Да только чему ж от него научишься? Пока я в город не уехал, такого не было, он меня вообще будто не замечал. Тогда, правда, мне всего шестнадцать годов было...

— Глянь, опять только брюхо распорол, а мяса жрать не стал... — дядя Пекка вперевалочку зашел с одной стороны коровы, потом с другой. — Даже пахов не тронул и вымя не выел. Смех смехом, а ведь он и вправду у нас так весь скот задерет... — я и не думал смеяться, какой уж тут смех. — Пятая ведь уже, Митька, пятая...

— Ну, так там вроде двое только телята были, а прошлый раз вообще лошадь... — зачем-то сказал я.

— И что, что лошадь? — дядя Пекка так сказал и посмотрел на меня, что мне стало не по себе. С него будто дурка слетела. — И что, что лошадь? Ты понимаешь, что зима уже скоро? Что мы жрать будем? Со мной что в деревне сделают за это? По головке, думаешь, погладят? — он был ниже меня, но мне показалось, что он сейчас в ярости своей возьмет меня ладоной за голову и сомнет ее, будто она из теста. — Не знаю я, что с этим медведем делать, понимаешь ты? Не знаю! Хуже всего вот это вот, что не знаю... Он будто нечистая сила какая, не взять его ничем... — да, слетела с дяди Пекки дурка, перестал он дряхлеющим старикашкой притворяться, как взял себе моду в последнее время.

— Может, караулы какие из мужиков с ружьями на ночь ставить будем, дядя Пекка? — спрашиваю я, чтоб уж что-то сказать и показать, что не зря он меня с собой везде берет.

— Да какие караулы? Кто ж свою живность и дом на ночь бросит, чтоб на деревне вместо того не знамо где с ружьем шатаются? А свое и так все охраняют, как могут, только без толку: пробирается он как-то все равно... И про какие ружья ты еще гово-

ришь? Тут тебе деревня, милоч! Это тебе не твой город!

Дядя Пекка помолчал, пожевав губами. Наверное, подумал, что зря попрекнул меня городом.

— Сам знаешь, стреляли уж в него, да не раз — уходит всегда, только жопой своей бесхвостой виляет! — он харкнул на пол, но потом, видно, испугался, что про Мишука такое сказал: — Ты, батько Мишук, прости, что я так... Это я сдуру... — он отер слюну в углу рта рукавом.

— Я вот, дядь Пекка, не понимаю, как так собаки на него лай не подымают... — сказал я, чтоб разговор переменить.

— Да забирается так тихо, что не слышат они его. А потом просто давит их, как блох, вот и все...

— Да разве к собаке можно так подобраться?

— А ты, поди, и не знал, что медведь в лесу может подойти прямо к дереву, на котором охотник в лабазе сидит?

— Не, не знал, дядь Пекка...

Он взглянул на меня и, видно, хотел еще что-то добавить про городского, но перегумал.

— Ладно, пошли... — сказал он и полез из хлева наружу, на солнце. Голову он наклонил, да только зачем: он же и так всегда проходил, без того. — Что-то нам гумать надо, Митька, что-то гумать. Иначе с голоду мы все тут перемрем. Иль нас с тобой раньше того повесят... — «Меня-то за что?» — подумал я, пригибаясь и выходя за ним из хлева.

II

Мы сидим с Настюшкой на старой мостушке над прудом и медленно водим в воде ногами. Я засучил штанины до колен, она подобрала глинное платье. Уже смеркается; пруд замер, над ним висит туман. У Настюшки на плечи накинут платок. Когда она садилась, она села слишком близко ко мне, хотя свободное место на мостушке еще было. Она всегда так делает в последнее время: норовит найти предлог, чтоб заглянуть мне сзади через плечо, и прижимается ко мне грудями. Они у нее большие, приятные, и от нее всегда так пахнет, что мне становится беспокойно. Она ниже меня, но иногда кажется, что крупнее, и когда она ко мне так прижимается, с глинными русыми волосами, которые падают ей на лицо, на руки и мне на спину, она превращается в настоящую девушку, а я в мужчину. И сейчас, на мостушке, я чувствую ее бедро — теплое, крепкое, оно будто стремится ко мне через платье, — и вся она опять так пахнет...

— Я уж больше сорока полотенец наткала... — говорит она, глядя на середину пруда. — Правда, не знаю, кому я их там, на свадьбе, из твоей родни дарить буду... — хихикает она, взглянув на меня и болтая в воде ногами. Я оперся сзади руками на мостушку и тоже смотрю на воду.

Свадьбу назначили уж на это Воздвижение: Настюшка так рано настояла. Думаю, урожай если собрать не успеют, рисковно это, но ей, я знаю, уж нейметя. Наверное, боится, что мать у меня умрет, и я опять уеду. А я про свадьбу не думаю: уж пять месяцев, как я вернулся, а все к дому не привыкну. Все тут как будто не всамделишнее, не настоящее... Родился я тут и детство провел, а в шестнадцать меня дядька Осип в город забрал, в Лодейное Поле. Через три года мать у меня совсем плоха стала — уж при смерти, сказали, — и я вернулся. Настюшке тоже деваться некуда: четверо парней нас в деревне только. Те, трое других, не так уж прям, если честно сказать, а ей уж замуж надо: двадцать четыре годика уж ей. У нас в Олонецкой губернии девки и в тридцать выходят, ничего, да только, гумаю, раз сейчас ей кроме меня нет никого подходящего, то и потом не будет, вот она ко мне и прильнула. Так люди говорят. А мне девятнадцать только исполнилось. Но это ничего, говорят. Она девка хорошая, видная. Нет лучше ее в деревне. Что ж, будем как-то с ней вместе жить, она девка хозяйственная... Мать как тогда хотела, чтоб я в город поехал, грамоте как следует обучился да под дядькиным присмотром уму-разуму набрался, так сейчас хочет, чтоб я женился. Не нужны уж ей теперь ни грамотность моя, ни место хорошее в городе. Настюшка за матерью моей сразу начала приглядывать, как только удар ее хватил: мать, дядя Пекка ей подказал. Да и сам дядя Пекка будет нам помогать: он и так уж матери и огород всегда пахал, и так, если надо чего, всегда следил... Правду сказать, Лодейное Поле мне сейчас тоже будто лишь снится. Будто не было этих трех лет. Всё как во сне...

Быстро у нас, конечно, с Настюшкой все получилось. Мы с ней толком и не знали до того, как я в город уехал: она на пять годков старше меня была. Жила она у Тепловых на другой стороне деревни, потому мать моя с ними, считай, и не общалась никогда. Настюшка же их, Тепловых, не родная дочь, она вроде как дочка родной сестры

тетя Лидия Тепноевой. Отец у Настюшки помер, и мать уж при смерти была, вот мать ее и попросила тетку Лидию, сестру свою родную, дочку свою на воспитание взять, так у нас говорили. Лет семь тогда Настюшке было, когда тетка Лидия ее в Воронье Поле к себе взяла. А до того они всей семьей, втроем, в городе жили — не в Лодейном Поле, в другом каком-то. Так что, можно сказать, Настюшка тоже городская была, только не знаю, помнила ли она чего из своего детства вместе с отцом и матерью... Еще ее подружки говорили, что она всегда непременно за городского хотела выйти, и чтоб не за карела, а за русского. Тут вот я из города и вернулся...

Бесёды у нас тогда Лешка Хромой устраивал. Да и сейчас, наверное, устраивает — мы уж с Настюшкой на них не ходим. Он хромой — нога у него одна не своя ниже колена, деревянная, пристяжная, — ему невесту трудно будет найти, да и характера он скверного, а притом до девок сильно охоч. Он уже на следующий день, как я в Воронье Поле вернулся, к нам домой пришел, будто поздороваться хотел, хоть он в детстве и издевался надо мной, а другие ребята смотрели: за ногу, помню, меня по пыли таскал да еще порты при этом старался с меня стянуть. Ему ногу как-то по недосмотру материному раздробило: она у него пьющая, здоровая такая, с широкой щелью между зубами. Мы ее в детстве боялись, а Лешка никого из нас домой к себе не пускал, мы за калиткой всегда стояли и только с улицы смотрели, что у них в доме и на дворе делается. Один раз только, помню, я у них в сенях был: мамка послала меня к ним за козьим молоком, к Лешкиному отцу. Но и тогда я только в сенях постоял. Был Лешкин отец неопрятный, со светлой щетиной, пахло от него мочой, овчиной от тулука и козами: они эту козу свою черную красивую, я так понял, прямо в сенях держали. А козичка у них чистенькая была... Вот мать у Лешки пьяная тогда была, а он маленьким еще был, ходить как следует не умел, вот у него нога куда-то и попала. А матери его, мне кажется, все равно было. Она здоровая такая, и не скажешь по ней, что она пьет всю жизнь не просыхая. А Лешка, он на пару лет старше меня, поэтому тогда, в детстве, чуть не на голову выше меня был. Сейчас уж не то, сейчас мы с ним, почитай, на равных... Он с этой ногой своей пристяжной любит баб в возрасте жалобить, стучит ею специально по полу да снимать ее на людях любит, будто сильно у него там пог протезом чешется, вот тетки, кто постарше, еды ему всякой и дают. Бывает даже, всплакнут, на него глядя. А он губы подождет, отвернется и с таким лицом подношения берет, будто говорит: «Не по своей воле вынужден я подачки от вас принимать. Не был бы инвалидом, разве б нужны вы мне были?» А сам притом в саваккожику играет с культиялкой своей деревянной чуть не лучше всех из ребят. Да самогонку пьет крепко, а с самогонки той у него уж настоящая злоба начинается, и он сразу ищет кого послабее себя, с кем пограться, и бить старается в нос, чтоб сломать или чтоб кровяца потом была. Меня он, как я приехал, не трогал: нужен я ему был для бесёда, да дядьку моего, наверное, боялся. А так, по глазам вижу, меня поболее всех ему ударить охота...

Лешка деньги с ребят, которые хотят на бесёды, собирал да горницу у тети Юррын Онюсси снимал. Она двою, мужа ее, дядю Юррына, тоже на войне убили, как отца моего. Да и многих у нас кого еще из мужиков поубивали... Девки на бесёды красную ленту себе в косы вплетали: вроде как показывали, что уже началось у них дело это бабье и можно к ним свататься. Некоторые девки по старинке прятать на бесёдах пытались, да только не многие так делали, потому как парни наши, выпив да осмелев, иногда на колени к ним садились, а Лешка, говорят, Сёмкан Анни, которая ему отказала, так и вовсе кудель со злобы поджег. Что же до колена, то Настюшка запретила другим парням не только на колени к ней садиться или чего еще делать, а даже и заговаривать с ней. Это, значит, чтоб меня не отвадить — так мне парни сами потом рассказывали.

Поголгу мы с Настюшкой сидели рядом на лавочке на тех бесёдах. Она мне все рассказывала что-то, а что, я уж не помню: для меня все тогда будто в тумане было. А как, выдать, совсем уж я в себя уходил, брала она меня за руку и вела с собой танцевать... Как о свадьбе сговорились на тех бесёдах, не помню. Сначала Настюшка представляла вслух, как бы нам вместе жилось хорошо, да улыбалась так мечтательно, а потом уж как-то само вышло, что и о свадьбе мы сговорились — она и день сватовства назначила... Я тому не прелятствовал: будто все в тумане для меня тогда было...

Свататься от меня дядя Осип ходил: специально для такого дела его мать письмом из Лодейного Поля вызвала. А ему и в радость, он любит такие дела, когда можно выпить, покрасоваться да побалагурить. Свататься, как водится, вечером пошел, чтоб поменьше народу вышло, если сватам откажут, да только что ему? Он, пока от нашего дома до Настюшкиного шли, со всеми, почитай, здоровался, смеялся да всем все рассказывал, как вот ведет племянника сватать, да как он там теперь, в Лодейном Поле, да как с белокарелами в Ухте дрался, а кое-кому даже шрам от пули на боку показал. За патьвашку — ну, вроде как за колдуна, который за свадьбы и другие такие вещи отвечает, — с нами дядя Пекка пошел, он всегда был. А до этого отец и дед его были, а до этого, говорят, прадед. На сватовствах всегда вроде как патьвашка главный был,

а тут дядя Осип сразу всем распоряжаться стал, и дяде Пекке, мне показалось, то не понравилось.

Уж конечно, нам не отказали. Настюшка стояла с теткой Лидией за спиной ее мужа, дяди Хилиппа Теппоева, отца, стало быть, своего приемного. Тетка накинула на плечи кацавейку, хоть в доме и было тепло. Так, по правде сказать, мужиком-то у них в семье была Лидия, так у нас говорили, и это с ней надо было делать рукобיתье. Глаза Настюшка за спиной у дяди Хилиппа опустила, но я-то видел, какая она натянутая была — следила, чтоб все как надо произошло. Для рукобיתья дядя Осип и дядя Хилиппа обернули руки полами пиджаков, а патьвашка дядя Пекка звенел в то время, как требуется, монетками на блюде. Для того чтоб залог отдать, дядя Осип достал бумажник и стал выкладывать по одной на стол пятирублевки. Все смотрели, как он это делает. Дядя Осип достал уже тридцать рублей, но, видимо, в бумажнике оставались еще пятирублевки. Он чуть помялся и положил еще двадцать рублей.

— Ну, пятьдесят рублей-то хватит?.. — неуверенно взглянул он на тетку Лидию и на дядю Хилиппа.

— Да ладно уж тебе, Осип, куда ты столько! — вышла из оцепенения тетка Лидия. Она сделала движение к столу, будто хотела отсчитать часть денег обратно, но сама себя одернула. — Ладно, пусть так, Осип, но мы их все на свадьбу угоним! Каждую копейку увидишь, вот тебе истинный крест! — она перекрестилась и, шагнув из-за спины дяди Хилиппа, сгребла купюры со стола, сложила их пополам и опустила в карман кацавейки, но руку из кармана уже не вынимала.

— Да уж ладно тебе, Лидия, отчитываться еще перего мной будешь... — махнул на нее довольный дядя Осип.

— А у нас только вот... — дядя Хилиппа вынул из кармана сверток в белой тряпиче и развернул его на столе. Там были тщательно разглаженные рубли и трешницы. — Это из Настюшкиного приданого, от отца с матерью ее еще сохранили... — стал объяснять он.

— Ну, давай, давай!.. — дядя Осип взял деньги и не глядя убрал их в бумажник.

Залоги такие требовались у нас, если другая сторона откажется от свадьбы. На деле же, как тетка Лидия и говорила, деньги те с обеих сторон шли все на ту же свадьбу.

— Ну что, женишок, не отвертись теперь, а?! — со смехом хлопнул меня по плечу дядя Осип, когда мы уж затемно вышли от Теппоевых и тетка Лидия с дядей Хилиппа, попрощавшись, заперли за нами калитку. — Все, охомутали мы тебя. Теперь уж давай, не подкачай! — Он закурил, смачно затянулся, выпустил дым в замерший ночной воздух и вперевалочку пошел к дому. Я на все это как со стороны глядел, спокойно, будто про кого другого смотрю.

III

— И что ты теперь скажешь? — спросил дядя Пекка, затянувшись папиромой так сильно, что я услышал тихий треск. В этот раз кишки побывали даже на стенах, хоть и невысоко: кое-где остались следы и прилипли мелкие частички. Довольно крупную кишку я заметил на деревянной перегородке: часть ее застряла в щели между досками, и кишка спокойно устроилась на выступающем изгибе доски.

— Он как будто кишками рисует... — ответил я.

— Чего?! — дядя Пекка повернулся ко мне всем корпусом.

— Раньше, говорю, кишки так нарочно не разбрасывал...

Дядя Пекка ушел в себя, иногда сильно затягиваясь. Если смотреть на его папиросу, было видно, как много истлевает за одну затяжку.

— Восьмая уже... Это теперь так точно само не кончится...

— Дядь Пекка, а люди поговаривают, что было уж тут давно такое, что тоже не могли того медведя поймать, и был он бесхвостый... — посмотрел я на него.

— Было, было... Да только не может то опять повториться... — дядя Пекка докуривает уж, считай, до пальцев.

— Так это тот же самый медведь? — спрашиваю.

— Да ты дурачок, что ли?! — опять взрывается дядя Пекка, глядя на меня и сжимая кулаки. — Это когда было-то? — и сам успокаивается. — Дед рассказывал, прадед с тем медведем как-то сладил. Они ж столько не живут, дуралей!

— А как сладил, дядь Пекка? — спрашиваю, чтоб еще больше его успокоить.

— Как-как... — он хотел затянуться, понял, что сейчас пальцы обожжет, окурочку по ногам кинул, сапогом втоптал и другую папироску достал. — Прадед говорил, дедку медведю к логову его отвели, самую раскрасавицу, к дереву привязали да так и оставили.

— И что ж, сожрал ее медведь?

— Сожрал, не сожрал, то неведемо... — ответил дядя Пекка, медленно разминая

пальцами незажженную папиросу. — Только никто больше ту девку не видал. И костей ее не нашли, — я еще много чего хотел спросить, но он уже сам закруглил разговор: — Не переживем мы так эту зиму, не переживем... — сказал он и, продолжая разминать папиросу, понагнул голову и первым ступил через порог хлева наружу, на свет.

IV

Свадьбу решили играть в доме у Настюшки: мать у меня совсем уж плоха была. Мы с дядей Пеккой довезли ее медленным порядком до дома Тепповых, довели ее, подерживая, до праздничной горницы и усадили бережно. Венчаться, ясное дело, не стали: опасно это стало при нынешней власти, да и дядя Осип при его-то должности всех бы в клочки тут изорвал, если б мы венчались. Да у нас в Вороньем Поле это ничего, спокойно смотрят, если сразу без венчанья: своей церкви мы не имели никогда, а до Острожьего — ближайшего села — почти целый день ехать, да все через лес. Часто наши священников сами ждали, переходили. Бывало так, что поженятся у нас двое, уж и ребеночек первый родится, и только тут священник из Острожьего или переходный какой до нас доберется — уж тогда и их обвенчает, и ребеночка сразу покрестит... Дядю Осипа на свадьбе не было: умчали его опять куда-то к финской границе, опять там банда какая-то пролезла, — а дядя Пекка очень тому обрадовался, мне показалось.

Как все в горнице собрались да торжество началось, вывели к нам Настюшку под большим шелковым платком: у нас это навроде как фата считается. Патьвашка дядя Пекка посохом из ольхи платок тот приподнял, чтоб мы увидели, что под ним и правда Настюшка: раньше, говорят, родители под платком могли спрятать другую — некрасивую — дочь или какую постарше, если сватались к младшей, но сейчас уж такого я не слышал. Только после того платок тот Настюшке на венок красивый заменили, чтоб сидеть ей за столом королевной и все на нее любоваться могли. Тем же посохом дядя Пекка передал подарки от невесты моей матери. Вообще одаривать полагалось всех моих родственников на свадьбе, да только кому ж еще передавать было... Мать только сидела прямо, будто аршин проглотила, улыбалась, как дурочка, и ответить-то ничего даже не ответила. Плохо уж ей было, конечно...

Потом, как меня научили да как я сам много раз представлял, я зашел Настюшке за спину и стал выpletать у нее из косы красную ленту, что, мол, теперь уж она мужняя жена. Настюшка поотбивалась для виду, как полагается, да только так у нее это получилось, будто играет она со мной да ласкается. Я заметил, что на бесёды она вплетала другую ленту, поуже да потемней, красивую, а эта была широкая, не такого густого цвета. Наверное, нарочно для свадьбы новую купили, пошире, чтоб заметней была. «Да какая разница!» — подумал я и стал ее выpletать, но коса у Настюшки была большая, и возился я долго. Все сначала смотрели и улыбались, да же с мест своих повставали, а потом уж надоело. Как выплел я ту ленту, тетка Лидия гала мне еще, других, разноцветных, будто бы Настюшкиных, и я роздал их нашим девкам да бабам вдовым, чтоб, значит, замуж им выйти.

За стол мы сели рано, так как гостям уже выпить да поесть хотелось, и дядя Пекка не стал злить людей. Как сели мы с Настюшкой рядом на лавку, как прижалась она ко мне всем своим телом, как взяла мою руку в свою, влажную, горячую, так уж, почти тай, и просидели так до глубокой ночи. Смотрел я на Настюшку, когда платок ей приподымали, смотрел на нее, когда целовать ее надо было, на щеки ее зардевшиеся, на грудь подымающуюся да на глаза горящие и все прислушивался к себе, как мне теперь, женатому? А ничего и не было. Хотелось только, чтоб побыстрее ночь настала, чтоб отпустили нас с Настюшкой, чтоб спать с ней лечь на кровати мягкой в нашем доме, в комнате родительской тихой, и даже не тетекаться с ней там, а просто носом ей сзади в волосы, в шею уткнуться да так уснуть...

4

Утром Дима поднял нас рано и сказал, что сегодня будет долгий и, возможно, трудный для нас переход. Я, в принципе, заранее настраивался, что тут может быть нелегко, поэтому отнесся к этому довольно спокойно. Мы позавтракали, собрались, вышли на ту же грунтовку в лесу и пошли по ней дальше вперед.

— О, от чудика того эсэмэска пробилась! — обрадованно оглянулся на нас Дима с телефоном в руке. — Пишет, что на станции уже тусит, ждет поезд. Ну и слава богу! — подытожил Дима, убирая телефон.

По этой грунтовке, которая монотонно виляла по лесу, мы шли очень долго. Если б я шел один, я бы, наверное, останавливался отдыхать довольно часто: зачем себя мучить? — но для Димы, похоже, двухчасовые переходы без остановки были нормальны. Мы сильно растянулись, и я решил для себя держать в поле видимости не инструктора,

а хотя бы кого-то из наших. Было обидно, что это почти всегда была Катя, та единственная в группе девушка, которая со своей инфантильной походкой, сидущкой на ремне и 90-литровым рюкзаком, который был почти с нее, похоже, переносила нагрузку легче меня. То, что она постоянно спокойно улыбалась, несла какую-то ничего не значащую фигню и при этом у нее даже не сбивалось дыхание, конечно, бесило. Немного напрягало еще и то, что Дима, похоже, не сильно волновался из-за того, что мы так сильно растягиваемся, а меж тем развилки по пути попадались довольно часто. Когда до меня это дошло, я стал уже по-настоящему стараться не отставать от впереди идущего. Возможно, на это у инструктора и был расчет.

Один раз от группы приотстал сам Дима. После этого он стал нагонять голову нашей колонны, и мы с ним какое-то время шли рядом. Он мне и слова не сказал — я даже не уверен, что он вообще обратил на меня внимание, — а мне что-то напряжно было идти молча, и я спросил о том, что меня заинтересовало:

— Дим, а что это за бесхвостые медведи, про которых ты вчера говорил?

Он и правда посмотрел на меня так, будто только что увидел.

— Не медведи, а медведь. Один медведь.

— Ну, пусть один. И что в нем особенного?

— А, ну, в семье у нас предание такое есть, про бесхвостого медведя. Прадед мой вроде как горюшка от него хлебнул. Даже, можно сказать, жизнь у него наперекосик из-за этого медведя пошла. Тут, в принципе, не так уж далеко все это дело было — в Лодейнопольском районе. Сейчас это Ленинградская область, а раньше он к Карелии относился. Точнее, к Олонецкой губернии.

— А ты вроде историк, Дим, кто-то из наших говорил?

— Историк-архивист. Новгородский архивный окончил... — ответил он, будто стесняясь этого. — У родителей там благоденствие было, ну и сунули, куда могли. Надо же было куда-то...

— А почему медведь без хвоста?

— Ну, считается, что леший в таких вселяется. Медведь тот повадился в деревню ходить и скот драть безбожно, и ничего с ним поделать не могли. А в тот год, в 1925-м, у них в Лодейнопольском районе голод был жуткий. В Вороньем Поле — ну, в деревне нашей — всего восемнадцать голов крупного скота на семнадцать дворов тогда было, я прямо по «Списку населенных мест Олонецкой губернии» смотрел. Причем на тридцать две женщины приходилось двадцать четыре мужчины — и это с инвалидами, которые с войны пришли. В общем, медведь этот вообще бы без скота их оставил, а там, глядишь, и на людей бы перекинулся...

Дима замолчал, и у меня появилось подозрение, что он либо посчитал, что все уже рассказал, либо опять просто забыл про меня.

— И чем эта история с медведем закончилась? — напомнил я о себе, начиная задыхаться, так как он при своей подпрыгивающей походке набрал уже приличную скорость.

— Ну, они там решили девкой отделаться, как они сами это называли: пожертвовали девушку, самую красивую в их деревне, прадед ее Настюшкой называл. Они пожертвовать должны были.

5

Дорога в очередной раз повернула, и мы с Димой увидели, что наши, которые шли впереди, сгрудились у развилки. Мы дошли до них. Дима опять так долго смотрел в свой навигатор, что подтянулись все остальные.

— Так, вроде бы по этой, — сказал он и тронулся дальше по левой дороге развилки. Мы пошли за ним.

— Все, скоро уже гора? — спросил кто-то.

— Да, в общем-то, это уже она и должна быть... — Дима показал на что-то справа.

Я уже забыл, что цель нашего похода — гора Воттоваара, просто делал то, что необходимо было делать в данный момент, поэтому стал разглядывать, на что показывает Дима. Обычная начинающаяся возвышенность, не отличающаяся от тех, которые мы видели раньше.

— И чем она примечательна?

— Ну, говорят, она мистическая... — ответил он. — Камни там интересные — сами увидите, деревья эти перекрученные, озерца... Вообще атмосфера там и правда странноватая... — сказал Дима, от которого я до этого не слышал ни одного признания метафизических явлений. — У меня вот навигатор только здесь глючит: метки иногда будто немного меняют положение — перезагружаюсь постоянно. Приходится походить вокруг, а потом идти в «среднее арифметическое», — Дима улыбнулся и посмотрел на нас, а мы неосознанно стали вглядываться в эту начинающуюся возвышенность,

будто стараясь рассмотреть в ней эту мистику. — А, ну и в 1942-м тут где-то финны положили целую бригаду партизан... — добавил Дима. Теперь и мне стало не по себе: я представил, как ночью буду спать на этой горе, а меня из темноты с интересом будет разглядывать эта перестрелянная в 1942-м братва... — Так, подниматься будем здесь, — Дима резко свернул с грунтовки направо, к горе. Я опять не увидел справа ничего примечательного, но уже стал понимать, что мы ориентируемся на метки, которые он поставил в навигаторе в прошлый раз.

Снова реальность не совпала с моими представлениями. Я думал, подниматься придется на пологую возвышенность, но Воттоваара оказалась и правда горой: подъем почти сразу стал крутым. Взбираться приходилось по каким-то кочкам, безо всякой тропинки, по траве, продираясь через кусты, а хуже всего, что все это было почему-то мокрым, и во многих местах склон развезло в скользкую грязь. На особо сложных участках Дима и Юра первыми закреплялись повыше и, протягивая руки, протаскивали отстающих вместе с их рюкзаками наверх. Вскоре то же стали повторять и остальные. Юра был все таким же улыбочивым и позитивным и больше не бесил меня: чувак, по ходу, был по-настоящему внутренне силен и добр. В особо крутом и скользком месте, где я со своим рюкзаком один точно бы не поднялся, он протянул руку и, как девочку, вытащил меня, и мне не было обидно. Я поднимался к вершине Воттоваары и удивлялся, как до сих пор никто не упал. Навернуться с рюкзаком с такой высоты и крутизны вниз, по кустам — это уже реально были не шутки. Интересно, подумал я, организаторы точно знают, что здесь происходит?

6

Когда мы поднялись на гору и передохнули, Дима повел нас дальше, искать место прошлой стоянки. Тут, на горе, пейзаж действительно стал другим: серые валуны — от небольших до таких, которые были больше меня раз в десять, провалившиеся, чуть не до половины вросшие в землю, — будто бы обрубленные сверху и перекрученные деревья, мелкие озерца с неподвижной прозрачной водой... Все здесь было чистым, нетронутым, но тишина и сама атмосфера казались мертвыми, и от этого становилось страшно. Кроме нас здесь не было ни единой живой души — ни зверя, ни птицы. Мне в голову пришла мысль, что это инопланетяне на огромной летающей тарелке нависли над горой и невидимыми лучами бесшумно, вмиг испарили с нее все живое, оставив все остальное нетронутым.

Меж тем поднимался ветер, заморосил дождь и становилось все холоднее. Мы нашли место прошлой стоянки и стали стаскивать к нему бревна и еловый лапник, чтобы сделать такой же шалаш, как для предыдущей ночевки, только большой, один на всех.

Начинало темнеть. Ходовые штаны из полиэстера, как и обещала инструкция, оттапливали только отдельные капли, и, когда дождь усилился, штаны намокли и противно прилипали к ногам при ходьбе. Но я только парадоксально радовался, так как, несмотря на дождь, у меня не промокали трекинговые кроссовки и ветровка. Я таскал лапник на стоянку и вспоминал продавца из магазина походного снаряжения.

— А у вас есть что-нибудь совсем не промокаемое? — спросил я его на всякий случай, когда нашел среди вешалок с одеждой и собрался брать эту ветровку, которая сейчас была на мне: у нее были лучшие отзывы в интернет-магазине.

— Совсем не промокаемой одежды не бывает. Только брезент, — ответил он.

Я до последнего верил, что дождь скоро прекратится, так как он уже шел довольно долго. Единственным моим аргументом было то, что он не может в ближайшее время не прекратиться, так как еще немного, и я промокну уже весь, насквозь, по-настоящему.

Наступила полная темнота, и дождь превратился в ливень. Я перерыл весь рюкзак, нашел налобный фонарь и таскал лапник уже под его светом. Первыми промокли мощные трекинговые кроссовки. Это были уже не просто мокрые носки: в обуви по-настоящему хлюпала вода. Я вспомнил инструктора-водника, который в другом походе для начинающих водил нас в обычных старых кроссовках. «Все равно любая обувь промокнет, а эти хоть легкие и сохнут потом быстро», — объяснил он. Я со страхом гадал, высохнут ли вообще до конца похода мои кроссовки, которые плохо пропускают влагу, но так же плохо выпускают ее обратно.

Ветровка держалась удивительно долго, но под дождем, который шел уже часа четыре, промокла и она. На мне в буквальном смысле не осталось сухого места. Я мог бы сейчас под ливнем раздеться догола: смысла в моей одежде больше не было. Я как робот делал то, что нам говорил инструктор, и не переставал улыбаться, так как не мог поверить, что такое может произойти со мной.

В центре нашего большого шалаша был столб, который поддерживал крышу. Мы состыковали пенки, разложили спальники, и Дима сказал, что ляжет в середину, к это-

му столбу, а мы впереди и сзади него, опять «ложками». Меня это удивило, так как мне казалось, что на крайних дождь будет попадать больше. Еще больше я не поверил в происходящее, когда лег с другими на пенку, застегнулся в спальнике и понял, что лежу прямо в луже. По ощущениям, глубина лужи была один-два сантиметра. В темноте я стал нездорово улыбаться еще шире, так как еще больше переставал верить в происходящее, но через некоторое время как-то ощутил, что под другими ребятами лужа была еще глубже, а хуже всех приходилось инструктору, под которого вода еще стекала сверху, по столбу. Даже та огромная масса лапника, которую мы натаскали за несколько часов, не выдерживала такой ливень, и по нашим спальникам в дополнение ко всему еще капало сверху.

Дождь и не думал прекращаться. Я лежал в темноте в луже, зажатый среди других пацанов, и был уверен, что завтра у большинства из нас начнется воспаление легких. Потом среди таких мыслей в голове всплыла история про Настюшку и бесхвостого медведя, но в этих условиях расспрашивать инструктора было по меньшей мере странно, а кроме того, мне почему-то не хотелось, чтобы о ней узнали другие. Эти мысли меня парадоксально и вырубали.

7

Когда я проснулся, по забытой уже тишине от прекратившегося дождя, свету солнца и тихим голосам ребят на стоянке за шалашом я понял, что уже утро. Какое-то время я еще лежал так и прислушивался. По отдельным долетавшим словам и запаху дыма я понял, что ребята развели костер и сушат вещи. Мне еще хотелось поспать, но я подумал, что если сейчас не встану, то не успею ничего высушить. Я кое-как поднялся и выбрался наружу.

Пацаны сонные сидели вокруг большого костра и сушили кто что — спальники, кроссовки, носки. От вещей — особенно от спальников — поднимался неестественно густой пар, я такой никогда не видел. Я тоже стал сушить вещи. У кого-то кроссовки, пододвинутые близко к огню, начинали плавиться, и пацаны с матами отодвигали их подальше. Дима встал последним, тоже немного посушил свой спальник, но я видел, у него почти все оставалось влажным. Вскоре он скомандовал готовить завтрак, а потом надо было приступить к обучению.

Сначала Дима показал нам, как вязать разные узлы. Я раньше про это не думал, но тема оказалось интересной. Он объяснил, как делать самозатягивающиеся узлы и как завязать шнурки, чтоб они никогда не развязались. Оказывается, можно было связать разорвавшуюся веревку так, что узел оказывался надежнее оставшихся концов, а при желании за минуту можно было закрепить веревку на стоянке между двумя деревьями так, чтобы развесить на ней сырое белье, и она бы намертво держалась, а потом одним движением ее снять. Забавно, что Юра сначала уточнял у инструктора какие-то моменты, а потом стал добавлять много интересного к его информации.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил кто-то из группы.

— Ну, я географию в школе преподаю, и мы с ребятами часто в походы ходим. Мне самому это всегда нравилось, и я стараюсь им как можно больше всего рассказать. Узлы вот у нас уже были, я до этого много информации по ним смотрел... Ну, я тут вообще, чтобы еще чему-нибудь новому научиться и им потом рассказать, — подытожил он.

«Идейный учитель, офигеть... — подумал я. — «Такое еще бывает? Нам бы хоть одного такого, когда я в школе учился...»

После узлов Дима сказал, что будет большая тема — ориентирование с помощью компаса. Он сначала рассказал нам, как пользоваться компасом, а потом мы разбили на группы по два человека. Дима велел группам идти в разные стороны так, чтобы не видеть друг друга, и зарисовывать по ходу движения свой маршрут с соблюдением сторон света и масштаба. Через час надо было выбрать какое-нибудь примечательное место и оставить на нем хорошо заметный предмет. Потом группы обменивались картами и искали «зачки» друг друга.

Я попал в группу с Сашей Костенко. Саша еще в начале похода при всех заявил, что они с Юрой сводные братья, обнял его и потом еще при каждом удобном случае повторял это и обращался к Юре не иначе как «брат», однако внешне они были совсем друг на друга не похожи. Юра был высокий, с прямой спиной, улыбочивый и какой-то надежный, а Саша был черноволосым, низким, но крепким, с нависающим лбом, который рождал четкое ощущение упрямства. Саша между делом, не стесняясь, сообщил всем, что у них с Юрой общий отец, но разные матери.

— Сейчас у бати вообще уже третья жена, — хохотнул он.

По его рассказам выходило, что их с Юрой отец — сильный, харизматичный и небедный мужчина, и члены всех его семей и он сам с разной степенью близости обща-

ются друг с другом. Про себя же Саша не без гордости говорил, что у него даже нет высшего образования и он ни дня своей сознательной жизни не работал «на дядю», всегда были только собственные бизнесы.

— Ну, отец, конечно, иногда помогал, не без этого... — без ложного стыда признал он.

Раньше он занимался картошкой, постоянно летал по регионам на своей «десятке» («210 из нее выжимал, представляешь?» — улыбаясь, говорил он, поглядывая на меня), несколько раз попадал в аварии, но это не отвадило его от быстрой езды. Потом, когда дела с картошкой пошли плохо, он продал и свой бизнес, и «десятку», на вырученные деньги купил новый «Lanceg» и предложил выйти за него своей девочке-парикмахерше. Девочка согласилась.

— А дело было в июле, — рассказывал он, — и пацаны мои еще до моей неожиданной свадьбы на море на машинах собрались. Я говорю ей: поехали все вместе на море! Она отвечает: ты сдурел, сегодня наш первый день после свадьбы! Я говорю: ну и что, вот и будет у нас такой медовый месяц. Она отвечает: если ты уедешь, считай, я с тобой развелась. А мне что-то пацанов обламывать не хотелось, и сам по морю так соскучился, и ее поведение обидело... В общем, я уехал, а развелся уже через месяц, когда с югов вернулся. Так мы с ней по факту всего один день женаты были! — посмеялся он. — Потом уже, когда я подуспокоился, отец помог бизнес по автомобильным маслам открыть. Деньги я ему постепенно вернул и вот уже семь лет этим занимаюсь. На фирме у меня уже шесть человек. «BMW X5» у меня сейчас, долго уже на ней езжу. «Шестерку» смотрел потом — ведро какое-то с болтами, сырая она какая-то, а «пятерка» — это прямо идеальная для меня машина, люблю ее до сих пор, не нарадуюсь... А брат — он не такой, как я... — продолжил Саша, помолчав. — Он же по образованию учитель географии, всегда ему это нравилось, он в этом и разбирается хорошо. Ну, ты видел... — я кивнул. — Он сначала учителем работал, потом, когда времена сложные начались и у него второй сын уже родился, я его к себе взял. Он, конечно, работал на совесть. Он все всегда делает на совесть. Но какой из него продажник... С деньгами у него, конечно, получше стало, но я же видел, что он мучается. Ну, я и говорю: «Брат, да возвращайся ты в школу, а с деньгами придумаем что-нибудь! И в школе, я слышал, сейчас получше стало...» — «Да как я вернусь, — говорит, — меня ведь уже несколько лет не было, мне стыдно как-то...» — «Да не выдумывай ты! — отвечаю ему. — Тебя там с руками оторвут!» Уговорили кое-как, даже жена его подключилась. И ведь правда расцвел брат — ну, ты сам видел! Вернулся в школу, уже два года отработал и опять такой радостный стал, все больше в это дело втягивается. И с деньгами, что удивительно, не так уж плохо у него получается... Старенькую «Шеви Ниву» вон даже взял... Но это я ему помог, конечно... — Саша в притворном смущении почесал затылок. — Это ведь он меня в этот поход вытащил. Ему-то понятно, зачем это надо: он потом все это своим учениками будет рассказывать — а я с ним просто так, за компанию, развешиваюсь. А то что-то в последнее время опять как-то киснуть стал... — он улыбаясь посмотрел на меня. — И бухать, хорошо, что тут не разрешается! — заржал Саня и хлопнул меня по спине.

Карту мы с ним составили — причем он проявлял намного больше активности, чем я. Я как-то быстро спекся, а он прыгал по валунам все два часа, не теряя интереса. Это напоминало детскую игру, только бизнесменом на «BMW X5» был он, а не я. Я тогда подумал, что, может, поэтому у него и свое дело, а я, как мурак, всю жизнь работаю «на дядю», что он такой упертый и хрен его со своего сдвинешь. Картами мы потом по жребью обменялись с Юрой и Катей, и мы по их четкой схеме «закладку» быстро нашли, а они по нашей нет, хоть и честно долго искали. Нам с Саней было неловко, так как, сдавалось нам, дело было не в неспособности Юры и Кати ориентироваться по компасу, а в нашем неумении нарисовать точную карту.

8

Почти весь следующий день был посвящен основам скалолазания. К теме выживания это относилось так: как в случае необходимости можно спуститься с отвесной скалы или подняться на нее.

Никогда бы не подумал, что меня это так увлечет. Чтобы очутиться внизу, надо было привязать веревку к дереву на вершине скалы одним из узлов, которые показывал Дима, и спускаться строго под девяносто градусов к скале, отталкиваясь от нее ногами. Один человек спускался, остальные стояли внизу и смотрели, а Дима сидел наверху, откинувшись спиной на дерево, и, держа в руках натянутую веревку, страховал спускавшегося. Подниматься надо было схожим образом, под девяносто градусов к скале. Навсех того что я теперь займусь скалолазанием, я уверен не был, но галочку в голове сходить на скалодром в Москве поставил.

По плану на следующий день нам уже надо было сниматься с этой ставшей для нас привычной стоянки и идти к точке посадки на поезд. Для разнообразия похода это была не та же станция Гимольская, а следующая — Суккозеро. До нее от Воттоваары было тридцать километров. Вечером у нас впервые появилось свободное время, и Дима предложил сходить на самую вершину Воттоваары и пофотографироваться там. Из-за того что завтра уже надо было выдвигаться в обратный путь, у нас появилось какое-то ностальгическое чувство, и мы, естественно, согласились.

Мы уже привыкли к необычным пейзажам Воттоваары, но при приближении к ее вершине местность становилась еще более странной. В горе все чаще стали попадаться некие каменные амфитеатры или, на другой взгляд, бассейны, с водой или без. Склон был так же усыян большими серыми валунами, и среди них было подозрительно много таких, которые были разломаны посередине так ровно, будто их разрубили мечом, но раньше я почему-то не хотел про это думать. Корявые, мне по пояс, березки выглядели так, будто их перекручивал узлами кто-то огромный и безумный. И все так же напрягало отсутствие всяких звуков.

На противоположной стороне одного из широких и глубоких каменных бассейнов, по краю которого мы шли, кто-то из наших увидел зайца. Я видел кроликов, которых разводят на мясо, но заяц этот был больше их раза в два. Мы замерли, чтобы его не спугнуть, но у зайца был такой остекленелый взгляд, что мы, наоборот, принялись на него орать. Он моргнул несколько раз и медленно запрыгал вверх по камням, нехотя отталкиваясь от земли мощными задними лапами. И все это в той же мертвой тишине. Складывалось ощущение, что это нам следовало бояться этого зайца, и он прекрасно об этом знал, а поскакал, чтобы не палиться. Мне стало не по себе, и, похоже, не мне одному.

— Слушайте, я тут уже не в первый раз такое вижу. Это точно нормальная штука? — показал один из парней на большой камень, лежащий на нескольких камешках-малышках, как на подставочках. — Что-то я не очень понимаю, кто и зачем это сделал. Или это водой как-то промылось?

— Ну, эту фишку я и хотел вам показать, только там, повыше, — Дима, улыбаясь, обернулся к нам, указав на вершину. — Там вообще огромные есть, тонны по три, и в некоторых местах они лежат прямо симметричными группами.

— Я тоже таких много видела, только думала, что здесь это нормально, — сказала Катя.

— Ну, в основном говорят, что такие камни на подставках — одна из составляющих сейдов — мест, в которых древние проводили свои религиозные обряды. Хотя как «древние»: вроде еще в начале XX века они тут что-то делали, — рассказывал Дима, поднимаясь к вершине. — Другие считают, что это места средоточия зла или ворота в другой мир. Еще говорят, НЛО тут несколько раз по ночам видели, прямо над вершиной, над этими камнями, и камни от этого еще синим светились. Не знаю, как насчет НЛО, но с ориентированием на местности тут точно не все нормально: на это место всегда жаловались, что компасы тут барахлят, вот и у меня до сих пор навигатор подглючивает, и в тот раз то же самое было... — Диму, похоже, все не отпускала обидка за свой хваленый «Garmin». — А в советское время вообще был слух, что здесь одновременно у всей группы наручные часы остановились. И особенность эту, когда ясно видишь перед собой цель, а идешь к ней нереально долго, мы еще в прошлый раз заметили... — некоторое время мы поднимались молча. — А еще говорят, что эти камни здесь по ночам щелкают! — засмеялся Дима, обернувшись на нас. — Все, пришли, давайте тут остановимся.

Мы поднялись за Димой и огляделись. Мы стояли на вершине плато, с которого во все стороны открывалась почти одинаковая картина: пологие склоны горы, заросшие елями, соснами и корявыми березками, множество мелких озер, открытый на сколько хватало обзора горизонт и безоблачное вечеряющее небо. С этой точки казалось, что гора очень невысокая.

— Мы туда завтра пойдем? — спросил Диму один парень, указав подбородком куда-то вниз.

— Сейчас сразу не скажу, что Суккозеро именно в той стороне, но да, завтра будем спускаться туда, вниз, — ответил Дима. — Ну что, давайте фотографироваться? Мы в прошлый раз фоткались вон на том самом большом камне. Хотите тоже?

Первым с легкостью на довольно гладкий огромный камень влез Юра и по одному вытянул нас наверх. («Я гимнастику каждый день еще с института делаю!» — как-то до этого похвалился он, и я ему только позавидовал.) Мы меняли положение на камне, насколько хватало фантазии, а Дима нас фоткал. Он, наверное, уже знал, какой ракурс лучше выбрать, потому что снимки с вершины Воттоваары получились такие величественные, будто мы стояли на одном из камней Стоунхенджа.

На следующее утро мы снялись со стоянки, прошли через вершину горы, на которой вчера фоткались, и стали спускаться с нее по одному из пологих склонов. После спуска с Воттоваары мы опять пошли по какой-то грунтовке, и видно было, что она проложена по глубокому лесу, и ни о каком человеческом жилье поблизости и речи не идет.

— Дим, а сколько нам идти?

— Думаю, до станции дойдем завтра к обеду, — ответил Дима, и все примолкли, представляя наш дальнейший путь.

По пути нас одолела какая-то мошकारа. Несмотря на то что шли мы довольно быстро, она все равно умудрялась присасываться прямо на ходу. Я совсем с ней намучился и, хоть была уже порядочная жара, надел и наглухо застегнул ветровку. Минут через пятнадцать у меня из рукавов при ходьбе стал капать пот. Мне это показалось забавным, и я сказал об этом Юре, который шел рядом.

— Да, ветровка у тебя почти не «дышит», — заметил он. — Кстати, насчет «дышащих» материалов: я бы посоветовал тебе прикупить к твоему походу в Липецк вот такую обычную тельняшку, — он показал на свою тельняшку, которую я часто на нем видел.

— И чем она хороша?

— У нее тип вязки такой, что зимой она не пропускает холод, а летом хорошо отводит влагу. Думаешь, их так просто десантники носят? — улыбнулся он. — Стоит недорого. Есть, конечно, современные материалы и получше, но и стоят они в разы дороже. Только ищи прямо вот такую — старого, советского типа, — а то новые китайские только внешне похожи, — совет показался мне дельным, и я сказал Юре спасибо.

Мы опять так долго шли, что уходили мыслями глубоко в себя, Дима опять на развилках несколько раз останавливался, долго смотрел в навигатор и неуверенно заключал: «Вроде бы сюда...» Мы опять шли и напрягались, и только дальнейшие Димины сверки и возгласы типа: «Да, точно, правильно идем!» — почти успокаивали.

Ближе к вечеру, когда монотонность ходьбы уже стала всерьез надоедать, Дима сказал, что у речушки, которая, судя по навигатору, уже близко, будем разбивать лагерь на ночь. Когда мы дошли до этой речушки, мы увидели, что деревья у ее берегов подточило бобры. Я первый раз видел результат работы бобров, и выглядело это действительно как в мультиках: толстые деревья были подгрызены ровными треугольниками, а в нескольких местах из таких подгрызенных упавших деревьев были сделаны запруды. Каждый раз, пока мы там стояли и я ходил за дровами и водой, мне хотелось увидеть живого бобра.

Как я и предполагал, с едой в походе было хреново. До этого последнего ужина дожила только одна банка тушенки на всех, поэтому мясо в моей миске с гречкой присутствовало чисто символически. Каши в котелке было много, но смотреть на нее пустую было грустно. Катя поставила свою миску на землю, повернулась назад, к рюкзаку, достала из него большой целлофановый пакет, приоткрыла его, положила на середину и сказала:

— Берите, если хотите...

Я заглянул в целлофан. Там было, наверное, штук пятнадцать пакетиков с разными приправами и специями.

— Там еще морковка есть! — она порылась в целлофане, достала кусочек нарезанной моркови и захрумкала.

— Зачем тебе столько специй? — спросил я.

— А она вегетарианка! — засмеялся кто-то рядом.

Блин, за столько дней я даже не заметил. Мало того что толстенькая и как будто не от мира сего, так еще и вегетарианка. Я пересмотрел все пакетики, а потом стал добавлять содержимое некоторых на разные концы миски и пробовать. Пока я перепробовал все заинтересовавшие меня приправы и специи, я уговорил три миски гречки. Остальные, видимо, тоже. В общем, вышло не так уж плохо.

— Рассказывать вам сейчас что-то по программе, мне кажется, не лучший вариант... — Дима оглядел нас, наевшихся и развалившихся с кружками чая. — Если хотите, я буду просто отвечать на ваши вопросы по выживанию в лесу. Официальная часть у нас вроде как закончилась... — в голосе у него что-то изменилось, и я взглянул на него. Дима достал из рюкзака литровую пластиковую бутылку из-под «Шишкиного леса» — в ней на четверть было какой-то коричневатой жидкости, — булькнул из нее себе в чай и убрал обратно. Нам он и не подумал предложить. «Бухает! Значит, все-таки бухает!» — как ребенок обрадовался я, так как почти сразу стал это подозревать, но доказательств у меня не было. «Зараза... Это сколько же еще жратвы можно было взять, а ты нам тут горстями гречку отмеривал...» — пришла следующая мысль. Что бы

ни думали остальные, они тоже сделали вид, что все нормально.

— Дим, а я на сайте школы выживания видел, что для прохождения последней ступени — ну, когда уже сертификат инструктора дают — надо в лесу прожить две недели с одним только ножом. Это правда? — спросил Юра.

— Ну, у последнего выпуска, по-моему, всего десять дней было... — ответил Дима спокойно, в своей манере. — И ты понимаешь, да, что перед последней ступенью их сколько еще там, не помню? Четыре?

— Да.

— Там просто по этим четырем уже понятно становится, давать человеку «инструктора» или нет. Случайных людей до «инструктора» не допускают. Да и на эти четыре уже более-менее подготовленные люди приходят, «домашних мальчиков»-то практически не бывает.

— Вообще интересно было бы себя проверить... — Юра, улыбаясь, потирал пальцем кружку с чаем.

«Да, у этого могло бы получиться...» — подумал я.

— Ну, попробуй, чего бы не попробовать! — примирительно сказал Дима.

— Дим, а как костер развести, чтоб его видно не было? — вдруг спросила Катя.

— А, ну, кстати, да, вот это тема интересная! — оживился Дима. — Давайте сейчас каждый попробует! — «Дура, так хорошо сидели...» — подумал я, вставая вслед за Димой.

10

Из леса к поселку Суккозеро мы вышли за четыре часа до отправления поезда: я так понял, Дима не особо себе доверял и снял нас со стоянки с большим запасом. Мы шли по главной дороге, сбившись в кучу, и что-то стремно мне здесь было. Поселок выглядел, как в фильмах про зомби: видно, что здесь живут люди, только никого из них не было заметно. Бросалось в глаза, что по всему Суккозеру валялось много напиленных каким-то промышленным способом огромных бревен. Тишина, конечно, здесь была невероятная. Казалось, тут месяцами ничего не происходило. Время здесь будто было тугим: чтобы его растянуть для какого-то действия, требовалось много сил, зато замереть тут было естественно и ничего не делать здесь можно было вполне безнаказанно. «Тут от чего-нибудь скрываться хорошо... — пришла в голову неожиданная мысль. — По ходу, странность этих карелов начинает действовать и на меня...» — подумал я.

Мы шли по поселку, рассматривая дома по обеим сторонам дороги, и казалось, что нас тоже разглядывают. Меня поразили часто встречающиеся деревянные двухэтажные дома, выглядящие, как серые вытянутые коробки из длинных досок, пригнанных друг к другу. В памяти всплывало что-то из детства. Мне кажется, такие дома я видел на черно-белых фотографиях с молодой еще бабушкой и живым дедом, а отец на них был младше, чем я сейчас. Казалось, дома эти были сделаны из деревяшек, из которых в советское время делали ящики для стеклянных бутылок с газировкой — рейки только были значительно больше. Поравнявшись с очередной серой коробкой, я сказал Диме:

— Эти дома — как из детства. Не помню, чтоб я их потом встречал.

— Это ЩЛ-51. «Пятьдесят одна щель». Я в таком в поселке у деда с бабушкой рос, — поджав губы, ответил он. У нас в Архангельской области таких до сих пор много, — я посмотрел на него. — Щитовые дома. Собирались в 50-е, как конструктор. Их должны были ставить на пять-шесть лет, не больше, а они, видишь, до сих пор стоят...

— Слушай, но у них же стены такие тонкие... Как в них зимой-то жить?

— Да-а... — протянул Дима, продолжая на ходу разглядывать эти двухэтажки. — Щиты усыхали, и щели в них иногда получались такие большие, что два пальца засунуть можно было. Часть утеплителя для них воровали еще на заводах, где их делали, часть — на железной дороге, по которой их везли. Приходилось как-то утеплять самим. Двери расклеивались... Да, зимой в них весело было!.. — как-то светло улыбнулся Дима.

Мы дошли до центра поселка. Тут были магазин, клуб и даже волейбольная площадка. На детской площадке сидели молодые мамы с колясками и разговаривали друг с другом, а вокруг них бегали дети постарше. Был обычный будний день, обеденное время, и никого, кроме них, видно не было.

— Так, ну что?.. — Дима остановился и обернулся к нам. — Официальная часть похода на этом, в принципе, закончена... Станция вон там, поезд в 18.24, то есть через... — он посмотрел на время в телефоне-звонилке. — В общем, у нас почти четыре часа. Кому надо, вон магазин...

— А ты сейчас куда? — спросила Катя.

— Ну, там вон лесок есть, насколько я помню... — Дима махнул головой. — Там

вроде нормально было... — пока мы стояли на самом виду, мимо, разглядывая нас и радостно улыбаясь, прошли в магазин трое местных пацанов лет пятнадцати. Они были плохо одеты, стрижены под машинку и в целом выглядели, как дети из неблагополучных семей или детдомовские. У таких улыбки через минуту могут легко превратиться в агрессию. — Кто хочет, пойдёмте со мной.

— Да мы, наверно, все пойдём, — ответил Юра.

Вообще да, как-то странным казалось вот сейчас всем разойтись.

— Ну, чего, через магазин? — улыбнулся Дима.

— Да, да, давайте!

— Только с вещами надо кого-нибудь здесь оставить, — сказал Дима, снимая рюкзак.

— Я останусь, — ответил Саша. — Брат, возьми мне... Ну, ты знаешь — возьми чего-нибудь...

В магазине Дима выбрал очень быстро:

— Мне, пожалуйста, маленькую коньяку, фиолетовый «Alpen Gold» и кольца кальмара большую, — сказал он продавщице.

Я увидел «Балтику №2». Последний раз я ее видел лет шесть назад в Питере и не думал, что ее еще выпускают. Прямо ностальгия какая-то охватила. Наверное, просто от Питера досюда ближе, чем до нас. Я взял три бутылки «Балтики №2», семечек и кучу всяких ставридок и желтых полосатиков.

— Нормально ты так затарился... — улыбаясь и щурясь от яркого солнца, сказал мне Саша. Он на расслабоне полулежал на наших рюкзаках прямо у входа в магазин, и местные, похоже, его совсем не волновали.

— Останется — выкину, — ответил я.

— Понимаю! — заржал Саня.

Все взяли себе по пиву. Юра взял Саше банку джина-тоника. Даже Катя купила маленькую бутылочку «Miller» с кучей какой-то сладкой несъедобной дряни.

11

Лесок начинался сразу же за домами и, видимо, там, дальше, переходил уже в нормальный, большой лес, из которого мы вышли. Мы забрались подальше, нашли хорошую полянку и валялись на ней на своих пенках и рюкзаках с пивом и едой из магазина. Почти все сидели отдельно: наверно, каждый уже думал о том, что ему предстоит сделать после похода, был мыслями уже не здесь. Легальное бездействие всех разморило, не надо было ничего делать, время будто исчезло, осталась только эта чуть колышущаяся трава, паутина на кустах, ползающие по тебе муравьи, запахи леса и солнце, которое било в глаза, когда пробивалось через ветви деревьев.

Дима тоже расположился на пенке, откинувшись на рюкзак, и пил коньяк в одиночку. Я понял, что если не спрошу сейчас, то потом более подходящего момента уже не будет. Я встал со своей пенки, подтащил ее к Диминой и сказал:

— Расскажи, что там дальше было с этой Настенькой.

— Настюшкой, — поправил меня он.

— Хорошо, Настюшкой.

Дима подумал и ответил:

— Там, чтоб про эту Настюшку понять, надо про прадеда сначала объяснить.

— Ну, давай про прадеда. Ты куда-нибудь торопишься? — попытался пошутить я.

Дима поднял бутылку коньяка и посмотрел сквозь нее на солнце.

— Нет, — улыбнулся он. Я подтащил к пенке свой рюкзак и перенес все пивные ништяки. — Прадед мой, короче, у нас в Вороньем Поле родился и прожил там со своей матерью до шестнадцати лет, а в шестнадцать его дядька, брат матери, к себе в город — в Лодейное Поле — забрал. Его дядька тогда с белокарелами бился, до самой Ухты их догнал, и, когда белокарелы сдались, дядьку в Лодейное Поле обратно вызвали, красную жизнь налаживать, а прадеду тогда шестнадцать уже исполнилось, и он мог там в школу по ликбезу пойти, потому что деревня наша совсем глухая была. Знаю, что он не хотел сначала ехать: и стыдно было, что уже взрослый, а только в школу пойдет, и опасался, что остальные там будут работяги, зрелые мужики, а он мальчишка совсем и мать боялся оставить: болела она уже тогда серьезно. Но мать сама его вытолкала, потому как понимала, что без самого элементарного образования ему везде путь будет заказан. Решили вроде, что он сначала отучится только положенные шесть месяцев в школе для малограмотных и начнет работать, куда его дядька пристроит, а там видно будет — может, и вернется потом обратно в деревню, — но он годичный курс в школе окончил, потом двухгодичный, а потом и вовсе на семилетку настроился. Насколько я знаю, он вообще учиться полюбил и всю жизнь потом где-нибудь да учился... Но на третий год в городе матери совсем стало плохо: староста писал, нашел ее в огороде,

между грядок валялась, и если б не он, тогда б и померла, наверно. Дядька к ней не поехал, ему не до того было, уже тогда вопросы важные по партийной линии решал: в то время комсомольцы с образцовым прошлым быстро поднимались. Вот прадед и бросил учебу и работу и вернулся в деревню за матерью ухаживать.

— А Настюшка эта что?

— Ну, я так понял, она, когда прадед в деревню вернулся, сразу же замуж за него намылилась: других подходящих для нее парней вроде как не предвиделось... — Дима перемежал отхлебывания из бутылки с рассматриванием этой бутылки на солнце. — Мать у прадеда уж не жилец была, это каждому ясно было; похоронил бы он ее да обратно в город уехал.

— А медведь тут каким боком? Бесхвостый, — спросил я.

— А с медведем — да, там странная история складывалась... Он, в общем, повадил-ся у них в деревне скот драть, да бодро еще так... А голод тогда в Вороньем Поле был — жуть. Причем, заметь, все это было в августе-сентябре — самое жирное для медведей время, когда жратвы всякой в лесу навалом, а гон у них еще в июле максимум закончился. И свадьбы в Вороньем Поле где-то в сентябре обычно устраивали, когда после сбора урожая хоть что-то на стол поставить можно было и других особо дел не предвиделось...

— Да, интересно... — я сменил позу. У меня перед глазами стали оживать картинки, и мне правда становилось все интереснее.

— А, я ведь главное не сказал: медведь тот скот не жрал, а просто коровам или там лошадам брюхо вспарывал и кишки разбрасывал. Да еще вроде красиво так делал, фигурно...

Меня немного замутило.

— И что же, его выследить, что ли, нельзя было? — спросил я Диму.

— Пробовали, естественно, но он действительно какой-то очень умный был, как человек, обо всех засадах и ловушках будто заранее знал. Ты, кстати, слышал, что раньше некоторых медведей людьми в медвежьих шкурах считали?

— Не, не слышал. Как это?

— Ну, вроде как некоторых людей в наказание обращали в медведей, и если такого медведя убить и шкуру с него снять, то под ней окажется человек.

— Ничего себе... — сказал я.

— А то, что собака действительно на медведя и человека лает одинаково и при этом не так, как на всех остальных зверей, тоже не слышал?

— Не-а... — ответил я.

Дима посмотрел на меня.

— В общем, сначала его вообще застать не могли, а потом вроде как углядели пару раз в ночи и даже стреляли по нему, и показалось тем, кто углядел его, что этот медведь — без хвоста. Тогда им в деревне совсем страшно стало, и они уже стали поговаривать, что это реально леший в образе медведя. В общем, сходились они в одном: обычный зверь так себя не ведет, и с ним надо как-то по-другому решать.

— «По-другому» — это девку в жертву принести?

— Ну да, — ответил Дима.

V

За столом сидели до самой глубокой ночи. Показалось, небо уж светлеть начало, когда дядя Пекка сказал:

— Ну, и буде... Светать уж скоро начнет, а молодоженам, поди, уж и на ложе супружеское в первую-то брачную ночь охота... — и засмеялся в бороду. За ним остальные. — Вы уж сидите, а я молодоженов в дом жениха отвезу, как полагается... — дядя Пекка стал вставать из-за стола.

— А мы с вами съездим, — утирая полотенцем тонкие губы, стала вставать за ним тетка Хильма, неприятная, не старая еще баба. — А то чего вы одни поедете: свадьба же все-таки... — кожа у нее была желтая, лицо острое, но сама она была жилистая и сильная. Муж у ней с войны не вернулся, она одна хозяйство вела.

— Да, да, съездим! — стал вставать за ней кузнец дядя Ахава. — Проводим...

Много следом народу захотело поехать, но я уж за тем не следил. На супружеское ложе мне уже не хотелось. Хотелось только упасть, не раздеваясь, на кровать да так и уснуть. К тому же голова начинала болеть от выпитого. Я себя знаю: пью, пью, и вроде бы мне ничего, а потом как хмель меня враз одолеет, как медведь, навалится, так уж ничего я с собой тогда поделать не могу...

В первой телеге дядя Пекка повез нас с Настюшкой как молодоженов, а во вторую набилась все, кто спьяну захотел с нами поехать. Я думал, дядя Пекка не будет никуда торопиться, а всю дорогу станет балагурить, шуточки насчет первой брачной ночи

откалывать да задней телеге особо удачные из них повторять, но он что-то все делал впопыхах и без веселья. Нас с Настюшкой усадили на первую телегу, наложили туда же надаренных нам подарков да прочего какого-то добра, прощание с гостями как-то скомкалось, и дядя Пекка тронул. Вторая телега тоже собралась без обычных пьяных задержек.

Настюшке это было все равно. Она все так же сидела, прижавшись ко мне, радостная и будто ошупевшая. Она несколько раз пыталась положить на меня голову, но дядя Пекка правил не сказать чтоб бережно, и Настюшка ударялась ухом о мое плечо.

— Дядь Пекка, ты поворот пропустил... — сказала она сонно старосте, когда он и вправду на развилке не свернул к нашему дому, а продолжил ехать прямо, к лесу.

— А? — переспросил дядя Пекка, так же продолжая править.

— К Поповым же туда, — Настюшка махнула рукой. — Ты чего, подпил? — она тихо засмеялась.

— А, так это обычай такой, ты не знаешь... — казалось, дядя Пекка подыскивает слова. — Наго три раза вокруг дома жениха объехать. Тогда вам там житье хорошее будет.

— Не знаю такого обычая... — Настюшка перестала ко мне прижиматься. — Дядь Пекка, так вокруг их дома никогда ж дороги не было...

— Да?... — будто размышляя, сказал дядя Пекка. — Ну, тогда ты, это, внучка... — он словно бы погумал, что еще ответить, не придумал, бросил вожжи, обернулся и прямо на ходу полез к нам. Нет, не к нам — он стал залазить на Настюшку.

Страсть какая-то... Я помotal головой. Вот так со мной бывает, когда перепью: жуть какая-то начинает происходить, когда этого еще совсем не ожидаешь. Но дядя Пекка уже подмял Настюшку под себя и перевернул ее лицом вниз.

— Ты уж не осуди нас, Настюшка, ублажай там косматого черта, как полагается, заступись за нас, кормилица, не дай лютой смертью изойти... — приговаривал он, заламывая ей руки за спину. Настюшка только сопела и все пыталась их высвободить, поэтому дядя Пекка крепко прижал их своими руками ей к спине, еще навалился сверху всем телом.

— Руки ей вяжи давай, веревка там у тебя в ногах должна быть! — вскинул на меня снизу голову дядя Пекка, когда понял, что одному ему не справиться. Лицо у него стало красным и мокрым, он был очень злым.

Я помotal головой. Я ничего даже говорить не мог.

— Тьфу ты... — обозвал он меня матом. Он меня никогда так не называл. — Не ты сегодня жених, понимаешь? Не ты! Веревку давай, малахольный!

Я зашарил у себя под ногами, просто чтоб он перестал на меня кричать, но сразу же нацупал веревку. Я протянул ее дяде Пекке. Он приподнялся над Настюшкой и прижал обе ее кисти к спине коленом, но когда потянулся ко мне вбок за веревкой, давление под коленом чуть ослабло, и Настюшка смогла выпростать одну руку. Она тут же уперлась ею в телегу, и дядю Пекку повело на другой бок. Руку у ней, видно, сразу свело, потому как давить она перестала, и дядю Пекку откачнуло обратно, и в эту секунду она высвободила вторую кисть и мощно, всем телом оттолкнулась от телеги. Дядя Пекка повалился назад, но успел обхватить ее обеими руками, как обручем. Настюшка всей спиной грохнулась ему на грудь и выбила из нее дух, но он все равно крепко прижимал ее к себе. Настюшка сучила ногами в коротких сапожках и пыталась вырваться, но видно было, что дядя Пекка железно, до боли прижимает ее руки к ребрам, и ей не встать. Сапожки у нее были шевровые, кремевые, на пуговичках, и один из них слетел.

— Ноги ей вяжи, ноги! — кричал на меня дядя Пекка. Я испугался, что наго что-то делать, привстал на телеге и шагнул к Настюшке. Я не знал, буду ли я вязать ей ноги, я просто хотел что-нибудь сделать, чтобы дядя Пекка на меня не кричал. Настюшка поняла, что вырваться вперед сил у нее не хватит, поэтому она уперлась обеими ногами в телегу и откинулась назад, на дядю Пекку, норовя попасть ему затылком по подбородку. Я увидел, что Настюшка перестала сучить ногами, и наклонился к ним, чтобы их вязать. Икра ее необутой ноги под сарафаном была белая, чуть полноватая и красивая.

Настюшка попала головой дяде Пекке по подбородку не сильно, но он понял, что она сейчас начнет постоянно его так бить, и, не разжимая рук, подался вперед, а Настюшка увидела, что я склоняюсь над ней с веревкой, и ногой неожиданно дала мне в живот.

Я сразу же поперхнулся и перестал все видеть. Я ни за что не держался и упал с телеги вниз, на землю, прямо на спину. Из меня вышел дух. Когда я вдохнул, я опять стал все видеть, но мне было очень больно в животе, и я понял, что меня сейчас вырвет. Я перевернулся на бок, и меня правда начало врать. Тогда я встал на четвереньки: так блавать перед собой было удобнее, и я был, как собака.

Когда я поднял голову, я увидел, что Настюшка уже неровно спрыгнула с телеги

и, припадая на необутую ногу, бежит назад, к деревне. Почти тут же она стянула второй сапожек, отбросила его и побежала уже быстрее, совсем босая. Задняя телега тоже встала, и из нее начали вылезать те, кто там ехал. Первым вылез здоровый кузнец дядя Ахава и сразу стал потягиваться с дороги, видно, не понимая, что происходит.

— Дядь Ахава, дядь Ахава, там... — кричала Настюшка на бегу, проносясь мимо него, но кузнец вытянул здоровенную ручищу вбок, и Настюшка, хоть и схватилась за нее, все же налетела на нее и упала как подкошенная. В этот раз она не шевелилась. Дядя Ахава вперевалочку пошел вперед, к нашей повозке, за веревкой. Тетка Хильма неожиданно молодого спрыгнула с телеги, оправила юбку и встала над лежащей Настюшкой. Я опустил глаза в землю, потому что меня опять затошнило.

VI

В лесу замершие верхушки деревьев в небе, а под ними четкость эта предугрошенная — ясная, морозная. Деревья замерли солдатиками, и воздух меж ними не шевелится, лишь кое-где поднимается белый туман. Рассвет прямо при мне рождается, из тумана разворачивается по лесу. Тишина какая-то неестественная, ни листочка не шелочнется.

Я лежу на телеге и смотрю вверх, на кроны деревьев. Староста оставил меня у повозки, на которой мы везли Настюшку, и сказал, что они отвезут ее на Серую поляну и чтоб я ехал помогать ее привязывать. Я помню все урывками. Помню, как пришел в себя, вскочил в телегу и погнал лошадей по дороге через лес, чтоб отнять у них Настюшку. Но что было потом, я не помню. Я не знаю, сколько уже здесь времени провел. Я лежу на спине и смотрю в небо между верхушками деревьев.

Они наконец-то начали покачиваться.

VII

Серая поляна уже близко, я с детства помню эти места. Я опять гоню телегу по лесной дороге так быстро, как только могу, и разные картины одолевают меня. Вот я пытаюсь спасти Настюшку, а медведь оборачивается и бьет меня огромной лапой с черными костяными когтями... Или медведь подступает с рыком к привязанной к дереву Настюшке, а она визжит, как сумасшедшая, но он мощной когтистой лапой одним движением наискось раздирает ее мягкое, приятное тело. Мне становится страшно, но и как-то сладко: какая-то часть во мне хочет, чтобы он так и сделал, потому что он большой и сильный и должен так сделать, но я понимаю, что так думать нельзя, и пугаюсь своих мыслей. Или я представляю себе медвежью свадьбу, представляю, как медведь на задних лапах подходит к привязанной к дереву Настюшке, а у нее грудь вздымается, он выпрастывает ее из веревки, перекидывает через плечо и уносит в свою берлогу... Я хлещу лошадей еще сильнее.

Серая поляна вон там, за теми деревьями. Я теперь стараюсь ехать как можно тише. Почему, ведь я же хотел ворваться туда, раскидать их всех, не знаю, что с ними сделать, отвязать Настюшку, унести ее, подалее от медведя, подалее от них всех? Но еще я и хотел вместе с ними привязать ее к дереву крепче, тоже проверить натяг веревки, чтоб Батья Мишук взял ее, как ему причитается: он Хозяин, — а мы бы жили дальше, как прежде...

Я останавливаю лошадей перед поляной. Я знаю, что она вон там, справа от дороги, за деревьями, недалеко. Прежде чем слезть с телеги, я прислушиваюсь, не слышно ли рыка медведя или наших. Или Настюшки... Все тихо, но от этого я еще больше начинаю остерегаться. Я спускаюсь с телеги, а сам вглядываюсь между деревьев, осматриваю все кусты. Я иду туда и все слушаю. Поляна вон, вон там уже начинается. Все тихо. Я стою какое-то время, а потом шагаю на поляну из кустов. Дерево без коры белеет одно, к нему никто не привязан. На всей поляне никого нет. Теперь я оглядываюсь по сторонам. Мне начинает казаться, что медведь сейчас накинется на меня сбоку, и я не смогу его увидеть. У меня сильно сдавливает горло. Но стоять еще страшнее, чем идти, и я заставляю себя двигаться к дереву. Еще не до конца рассвело, но я вижу перед собой две пропаханные в земле узкие дорожки. Я уже знаю, что здесь тащили Настюшку к дереву, а она упиралась обеими ногами, и тело ее, всегда такое гибкое и красивое, выгнулось в неприглядной позе, заостенело от ужаса и стало как соха.

Теперь я вижу веревку, обмотанную вокруг дерева, но низко, на уровне колен. Мне кажется, что, когда я подойду и наклонюсь к ней, кто-нибудь выскочит ко мне на поляну. Я подхожу к дереву и наклоняюсь. На веревке с одной стороны пятна от крови, но они мелкие и их немного. А потом я замечаю дальше за деревом Настюшкин венчик. Он уже растрепался, из него уже что-то торчит. Мне опять кажется, что сейчас

на меня сзади кто-то нападёт. Я оглядываюсь, но сзади никого нет. Я выпрямляюсь и слышу вдалеке медвежий рык. Мне кажется, я даже слышу звуки, которые издаёт Настюшка.

Следующее, что я помню — как мчусь к кустам, из которых вышел на поляну. Я вламываюсь в них с разбегу и продираюсь к дороге. Я спотыкаюсь и падаю лапками и лицом на какие-то низкие кусты, мне больно, но я тут же вскакиваю и бегу дальше. Мне кажется, что медведь гонится за мной. Я вываливаюсь на дорогу и вижу перед собой только широкий зад телеги, лошадь не вижу. У меня внутри все холодеет. Но потом я замечаю лошадь: она щиплет траву на гругой стороне дороги, развернув повозку и перегоротив путь.

Я запрыгиваю на телегу прямо сзади: так мне кажется быстрее, чем ее оббежать, — и бьюсь костью под коленом о ребро телеги. Боль взрывается красной вспышкой в глазах. Я добираюсь до вожжей и бешено тяну их на себя. Лошадь ржет страшно, ей больно. Я разворачиваю телегу очень быстро, я никогда так не управлялся с повозкой, и начинаю мчать чуть не с места. Я хлещу лошадь вожжами, хлещу, мы несемся, и мне кажется, что медведь нас догоняет... Но я боюсь обернуться, чтобы его не увидеть...

12

Дима отхлебнул коньяку, в очередной раз поморщился и разорвал зубами кольцо кальмара.

— Старосте, в общем, уже в открытую напомнили, как его прадед такую же проблему решил: староста-то вроде как сам повторять этот «подвиг» не хотел. У нас просто до этого старостами были и его отец, и дед, и так далее. Прадед его, короче, организовал самую красивую в деревне девку отвести в лес и там медведю в жены оставить: вроде бы это какой-то еще более древний обычай был. В общем, в этот раз самой красивой оказалась Настюшка. Хотя, я так думаю, у них просто в деревне никого лучше не было, на семнадцать-то дворов. Девку по обычаю полагалось вырядить, как невесту, а у них как раз с моим прадедом свадьба намечалась. Так все удивительным образом и срослось.

Дима начинал заметно хмелеть, да и у меня в голове картинки становились уже нездорово выпуклыми.

— Там еще интересно, что все это дело у них на Воздвижение случилось... — Дима сделал нарочитую паузу, растягивая зубами кольцо кальмара, которое все не хотело рваться. Я так понял, он опять хотел блеснуть эрудицией, и мне полагалось ему подыграть.

— Христианский праздник какой-то? — неуверенно спросил я.

Кольцо кальмара разорвалось, Дима от неожиданности чуть не прикусил себе язык и посмотрел на оставшийся в пальцах кусок чуть ли не со страхом.

— Христианский-то христианский, да не только. У нас тут, как обычно, христианство с язычеством переплелось. У христиан — это да, праздник в честь воздвижения в Иерусалиме в триста-там-каком-то году креста, на котором Иисус висел. Этот крест туда святая Елена приперла, но сама она до установки не дожила. В общем, у христиан это воздвижение символа веры, к которому потом будут стекаться люди. А у язычников это был день, когда свет с тьмой друг на друга поднимаются, то есть воздвигаются, сечешь? — он посмотрел на меня, отгрызая кусок от следующего кольца.

— Ну да, — ответил я, хоть понимал все это смутно.

— Они там раньше в этот день кресты из дерева вырезали и коровам в ясли подкладывали, чтоб скот ото зла убереечь, или просто ветки рябины крест-накрест везде раскладывали, никогда не видел?

— Не-а, — ответил я.

— А в амбарах, где зерно хранили, прямо над дверями кресты выжигали. Прадед рассказывал, что еще во времена его детства нормальным было крестные ходы вокруг деревни на Воздвижение устраивать, чтоб на весь год защитить деревню от нечисти. Это вообще день лешего считался, поэтому поститься в этот день надо было и в лес нельзя было ходить, чтоб медведи скот не трогали. Прадед говорил, староста еще мозги всем полоскал, что, мол, все эти дела забросили, вот и получили, что причитается... А, так я это к тому, что считалось, что как раз на Воздвижение медведь в берлогу залезает, и, лично я так думаю, Настюшку специально в этот день свадьбу играть подговорили, чтобы ее, так сказать, тепленькую медведю в берлогу подложить...

Дима, жуя кальмара, улыбнулся.

— И как они ее... подкладывали? — спросил я.

— Ну, начиналось у них на свадьбе все как обычно. Прадеду, чтоб лишних движений не делал, заранее ничего не сказали. Свадьбу решили в доме невесты играть, так как мать у прадеда совсем уж плоха была, почти не вставала. Ее, конечно, привезли

на женитьбу сына посмотреть, но ей там скоро плохо стало, и ее обратно отвезли... — Дима глотнул еще коньяку и поморщился, как мне показалось, уже больше оттого, что в бутылке оставалось совсем уже немного. — В общем, гуляли они там до глубокой ночи, потом староста говорит: «Все, пора молодоженам ехать в дом жениха, а то у них из-за вас первой брачной ночи не будет!» Первая телега почетная была, для виновников торжества, ею сам староста правил, а во вторую набились все, кто хотел. А дом наш, считай, почти уж за околицей стоит, крайний на деревне. Вот староста его проехал и дальше правит, в лес. Невеста сразу напряглась и спрашивает: «Куда это мы?» А староста отвечает: «Да ты не бойся, обычай такой!» — а сам вожжи бросил и к ней назад полез руки заламывать. А невеста извивается, как рыба, все вырваться норовит. Староста прадеду кричит: «А ты чего расселся? Ноги ей вяжи!» А прадед то ли пьяный уже совсем был, то ли просто пришибленный, наклонился к ней, тут-то ему от нее с ноги в живот и прилетело. Он, в общем, прямо с телеги на землю грохнулся и блевать начал. Староста на секунду на это дело отвлекся, а невеста высвободилась, на землю прыгнула и обратно к деревне ломанулась.

— Так она что, убежала, что ли? — не понял я.

— Не, ее мужик с задней телеги с ног сбил, когда она мимо них пробегала. Она же не ожидала. Староста к ним подбежал, они ее связали — баба там еще одна им помогала — и хрень какую-то в рот типа кляпа засунули. А прадед там все блевал, совсем никакущий был. Староста разбираться не стал, прямо со всей этой оравой на второй телеге в лес и поехал, а как мимо прадеда проехал, говорит: «Ты, сынок, как чуток оклемаешься, давай-ка сразу за нами, поможешь к дереву ее привязывать, одни мы не справимся. Серая поляна ведь помнишь где?» Серую поляну у нас в деревне все знают: она странная такая, посреди бурелома, дерево на ней белое, без коры, почти в середине стоит и камни здоровые разбросаны, почти как здесь, на Воттовааре, — непонятно, как они там появиться могли. Прадед вроде как кивнул, а самого аж выворачивает всего из-за нервяка. Я так понял, староста все старался до последнего за него держаться, чтобы в случае разборок им прикрыться... — Дима прокашлялся. — В общем, прадед, когда в себя пришел, за ними на первой телеге ломанулся, только сам, по ходу, не очень понимал, что там делать будет. Долго он до этой поляны ехал, с остановками, уже почти совсем рассвело. На поляне он никого уже не застал: видно, разминулись как-то, когда он останавливался и с дороги съезжал, — на дереве только веревка болталась. Прадед говорил, что потом рык медведя услышал где-то недалеко, но я, честно говоря, в это не верю: думаю, причудилось ему тогда... В общем, как он рык тот услышал, ломанулся он обратно к телеге своей и уж толком не помнил, как до дома добрался...

13

Дима щелкнул языком, как бы говоря: «Вот так вот!» — допил коньяк, утер рот и неожиданно бросил бутылку в кусты. Мы с Юрой проследили ее полет. Неожиданный жест для инструктора, подумал я. Даже я свой мусор обратно в пакет складировал, чтобы потом на пути к станции где-нибудь выбросить. По-моему, Дима уже просто был бухой.

— Так что же получается, сожрал ее медведь? — спросил Юра, который, похоже, с какого-то момента стал прислушиваться к этой истории.

— Или в берлогу к себе унес жить? — неожиданно встряла Катя. Мы разом посмотрели на нее. Она хихикнула.

— Не-а, — ответил Дима. — Она веревку ослабила и до Острожьего — ну, до ближайшего села — через лес по дороге добежала.

— Так, значит, хорошо все кончилось?

— Ну, я бы так не сказал... — Дима полулежа почесал себе сзади голову под хвостом. — Она уже в Воронье Поле не возвращалась, я так понял, больше никогда. Первое время у родственников дальних в том селе жила, потом оттуда вроде в город срулила. Прадед потом пытался о ней что-то выяснить, но ничего не узнал. Лет через десять после того вроде как всплыло, что она куда-то между Иркутском и Красноярском на лесозаготовки подалась, но куда конкретно и что там делала, было неизвестно. Прадеду говорили, что она замуж так и не вышла и не родила, хотя мужики у нее какие-то были — все одна маялась. А потом вроде погибла как-то по-глупому: то ли деревом в лесу придавило, то ли с лесопильным механизмом что-то связано было, то ли инфекцию какую-то подхватила и за несколько недель исчахла... В общем, какая-то нелепая, бессмысленная смерть. И жизнь, по ходу, у нее такая же была... Будто у нее еще тогда, в молодости, все не как надо пошло...

Взгляд у Димы расфокусировался, он смотрел прямо перед собой.

— А эти, которые ее в лес отвезли, им что, ничего не было? — спросил Юра.

— Ну, как это ничего! У нас в семье эту историю так хорошо, наверно, и знают,

потому что там такая вонь потом поднялась... — Дима махнул рукой. — Слушай, у тебя можно пивка глотнуть? — спросил он меня неожиданно, показывая пальцем на бутылку.

— Да бери, конечно! — я протянул ему бутылку.

Дима отпил из нее порядочно и вернул мне.

— В общем, там потом даже в газете про это писали. Ленинградской! — он поднял палец. — Статья называлась «Медвежья свадьба»... — Дима оглядел кусты и сплюнул. Да, похоже, он напился. Движения у него стали медленными... — Короче, эти дальние родственники из Острожьего, до которого она добежала, праведным гневом вспылавши, всему селу разнесли, как соседи из Вороньего Поля с ней поступили, а потом, когда информация эта уже до компетентных органов дошла, с удовольствием им все подтвердили. У нас же как: соседи — это закадычные враги... — Дима хохотнул. — В общем, старосту и кого-то еще посадили, кому-то условные дали...

— А прадеда твоего? — спросил я.

— А его дядька отмазал. Типа молодой жених же с остальными не ездил в лес невесту привязывать — даже наоборот, как молодой комсомолец только против такого дикого самоуправства был. Дядьке, конечно, я так понял, пришлось напрячься хорошо, так как не по его части уголовного была, но он отмазал. Хрен бы они члену партии с 1918 года, участнику Второй советско-финской и секретарю Лодейнопольского укома РКП(б) отказали бы!.. — глаза у Димы были уже мутноватые. — А прадед всю жизнь каким-то бестолковым был, я не знаю... — Дима опять громко сплюнул.

— Может, мы уже выдвигаться будем, а то я вся затекла... — тихо сказала над нами Катя. Мы все втроем посмотрели наверх, на нее. Она стояла, загоразивая солнце, улыбаясь.

Дима достал свою звонилку и посмотрел на время.

— Ну да, можно уже и выдвигаться. Пока дойдем... — сказал он.

Мы вышли из леса обратным порядком.

— О, смотрите, памятник тем партизанам! — я заметил его только сейчас, на обратном пути, и мне захотелось со всеми поделиться. Памятник был в форме флага, и на нем было написано: «Они отдали жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Бойцам и командирам 1-й партизанской бригады. Июль-август 1942 г.» Я так понял, под ним была братская могила. Мы немного постояли перед памятником, потом кто-то первый пошел дальше. Местные действительно смотрели на нас враждебно, когда мы проходили по центру поселка мимо них, но нам после пива было уже все равно.

Станция выглядела довольно живописно — деревянная, и за ней сразу начинался непроходимый лес. Такие станции показывали в старых советских фильмах про покорение целины. Мы дошли до нее как-то быстро, до поезда оставался почти час, но народу на станции было уже порядочно. Мы расположились кто где, и нам совсем уже не хотелось разговаривать. Выяснилось, что в моем вагоне никто из наших не едет. Видно было, что солнце уже клонится к закату, а люди все прибывали. «Откуда здесь столько народу?» — подумал я, но потом решил, что это из-за того, что поезд останавливается здесь всего раз в два дня.

Когда локомотив показался, я стал по очереди жать ребятам руки. Нам всем хотелось попрощаться как-то душевнее, все-таки мы правда очень привыкли друг к другу за эти несколько дней, но сил уже не было, мы только слабо друг другу улыбались и говорили какие-то общие слова. Катю я даже поцеловал в щечку.

— Фотки из Липецка нам скинь! — громко, чтоб все слышали, сказал Саня на прощание, карикатурно долго трясая мою руку. Все засмеялись.

У Димы его большая ладонь была мягкая и вялая.

— Я, знаешь, что еще-то забыл сказать? — сказал он мне вместо прощания. — Нападения-то на скот, как Настюшку в лес отвезли, прекратились... — у Димы и взгляд был такой же вялый, как рука.

Мой вагон уже на порядочной скорости проехал за меня, вперед, и я, не сообразив, что ответить, со своим рюкзаком за плечами побежал за ним, волнуясь, что поезда на таких маленьких станциях могут стоять всего минуту.